

ПСИХИАТРИЯ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 614.2(47-89) (049.3:882 Горький)

Ф.Р. Вуль

ПСИХИАТРИЯ В ПИСАТЕЛЬСКОМ НАСЛЕДИИ А.М.ГОРЬКОГО

Германия

А.М. Горький был лучшей и самой честной частью народного гения.

Он познал зенит мировой славы, его именем называли самолеты, пароходы и города. И в периоды заблуждений, и в тяжкое время прозрений он всегда оставался страстным и искренним человеком, гуманистом, верившим в добро и победу разума. Он верил в Человека и его, как водится, обманывали. А когда он стал опасен, его, больного старика, "устранили": нектати прозрел и слишком много знал. Взрывоопасными стали его архивы - и они исчезли. И врачи с медсестрами, и друзья, и многие-многие знавшие и любившие его люди. Все исчезли.

А потомки, пораженные грибком совковости, но без погон и должностей НКВД (что, впрочем, не факт), обнаружили "ошибки" и "серьезные заблуждения" Горького и начали старательно вымарывать его абрис из заголовков "Литературной газеты", а имя из названий библиотек, литературных, всяких педагогических и совершенно научных институтов. Когда-то так же поступали с именами Тухачевского, Бухарина, Бабеля и Мандельштама.

Но было время, когда Максим Горький считался мещанином Алексеем Пешковым, проходил "свои" университеты, бродяжил по великой стране, взхлеб читал и уже начинал писать - "Челкаш", "Старуха Изергиль", "Легенда о Данко". Он легко заводил себе друзей в народе и среди интеллектуалов и наживал врагов во властях.

В 1895-96 г.г. А.П. числился обозревателем "Самарской газеты" и "Нижегородского листка", набирался социального и литературного опыта. Публикации шли под инициалами "А.П.", иногда подписывались псевдонимами - "Иегудил Хламида", "Некто Х", "Человек без паспорта". Печатался тогда почти ежедневно.

До "Песни о буреветнике", ставшей тогда Молитвой страны, оставалось пять лет... А Горький писал о прозе жизни. Его взгляд и перо коснулись психиатрии.

Ряд работ Алексея Пешкова посвящен лече-

нию и содержанию психических больных в Самарской, Тверской и Смоленской губерниях. Писатель просит уважения к человеческому достоинству пациентов, внимательного отношения к больным со стороны земских психиатров. Он пишет о плохих условиях содержания больных в психиатрических лечебницах, о нерациональной трудовой терапии; об отсутствии гигиенических условий в трудовых мастерских.

В заметках, посвященных порядкам в Томашевом Колке (психиатрическая больница в Самаре), рассказывалось о случае, когда ее администрация направила в земскую больницу записку о захоронении еще не умершей больной. В другой заметке автор пишет: "Скука, монотонность, пустота читательской жизни так сильны, что, может быть, читателю в скором времени придется на себе испытать прелести условий пребывания в Томашевом Колке".

Из статьи "Забытые места" читатели узнали о порядках в Смоленской психиатрической больнице. "Набитые, как сельди в бочке, в страшно тесном и душном помещении, они (больные) скорее напоминают диких зверей, пойманных и запертых в клетку..." В отделении вместе с больными - присланные "на усмирение" арестанты. Бывшего земского врача В.И. Дьякова, находившегося на лечении в больнице, в течение полутора лет не посмотрел ни один коллега...

В статьях "Обвинение" и "Сумасшедший дом" обозреватель Пешков рассказывал о случае, имевшем место в Бурашевской психиатрической больнице Тверской губернии. В результате интриг и преступных махинаций местного начальства: несколько врачей (во главе с М.П.Литвиновым, известным земским врачом-организатором) вынуждены были оставить больницу. Тогда же, писал Алексей Максимович, произошло избиение служителями больницы больного крестьянина Тарасова, скончавшегося в результате побоев. Попытки администрации скрыть этот факт от общественности вызывают буквально ярость у молодого журналиста. В ста-

тье "Укрощение строптивых" он называл содержание больных в лечебнице "системой военной дисциплины".

То, что А.М. Пешков обращался к положению в психиатрических больницах, не было случайным: узнанное и увиденное заставляло и его болеть, он не мог быть равнодушным к человеческим страданиям. Нужно думать, что информацию о состоянии психиатрического обслуживания Алексей Максимович получал и от врачей-психиатров, и из собственных впечатлений, и из газетных источников. В неопубликованном письме к Д.Г. Довинеру жена Горького - Е.П. Пешкова сообщала: "Во время жизни в Новгороде мы дружили с Петром Петровичем Кашенко - психиатром, были знакомы с М.Г. Фальком, Трайниным... тоже психиатрами..."

Буревестник психиатрии?

Звучит, конечно, наивно и скорее ближе к метафоре.

Но он писал. И поднимал общественное мнение. И ни на чем не останавливался.

Потому что и был Буревестником.

Прошедший суровую школу провинциальной журналистики и гражданского мужества М.Горький к периоду творческой зрелости был уже несомненно Мастером слова, образа, художественной достоверности.

У писателя примерно тридцать героев, наделенных признаками психического заболевания или неадекватного поведения. Насколько вправду (и нужно ли?) психиатру заниматься анализом "образов" - нереальных, синтезируемых мыслью писателя?

А.П. Зурабшвили [1] считал, что художественное описание психической патологии "трудно используется клиникой".

А вот О. Бумке [2] оценивал художественную психиатрическую литературу иначе: "Психопатология, которая пожелала бы вовсе отказаться от литературных воспроизведений, должна была бы отказаться и от самой себя".

И М.И. Буянов [3] уверен, что литературно-художественный материал несет "громкую научно-познавательную информацию", убедительно ссылаясь на клиническое предвосхищение на многие десятки лет описания ряда психопатологических картин Н.В. Гоголем ("Записки сумасшедшего"), Ф.М. Достоевским ("Двойник"). Тому примером уникальное своеобразие черт литературных образов, вошедших в клиническую синдромологию (синдром Алисы в Стране Чудес, синдром Мюнхгаузена, синдром Агасфера, пиквикский синдром и др.)

М.И. Буянов пишет по этому поводу:

"Литература отражает жизнь - эта аксиома убедительно подтверждается даже такой удаленной от художественной литературы формой отражения действительности, как психиатрия. Медицина и литература взаимопроникают друг в друга. Именно писатели и поэты нередко первыми замечают нарушения, за исследования которых медики принимаются, как правило, спустя много лет... Искусство и литература дают психиатрии не меньше, чем психиатрия дает им".

Всякое образное (литературное, изобразительное) представление психопатологической картины естественно настраивает профессиональное мышление психиатра на его анализ - и чем точнее и адекватнее выписан образ, тем глубже понимается психопатология. Художественное изображение психопатологии при всех его "недостатках" (сборность впечатлений писателя, известная их эмпиричность, использование психопатологических картин в задачах повышения сценической эффективности и эмоционального воздействия) имеет несомненное достоинство, что помогает врачу увидеть психический мир больного "в разрезе", "изнутри" в период, когда у него изменен, сдвинут контакт с внешним миром, а от понимания и верной оценки состояния зависит судьба пациента.

М. Горький - один из немногих художников, умевший не только тонко видеть и чувствовать психопатологию, но и сопереживать, воспроизводить с необычной художественной яркостью картины психических заболеваний.

...Вот уже несколько месяцев с Кириллом Ивановичем творилось что-то неладное. "В голове глухо шумело, и ему казалось, что она налита чем-то глухим и тяжелым, что больно давит на глаза изнутри, стремясь излиться наружу. Цифры с карточек то вдруг исчезали, то появлялись и снова холодно и сухо свидетельствовали о чем-то; иногда они уменьшались до крохотных, неясных каракулек и вдруг вырастали в крупные, страшные и поджарые фигуры. Ярославцев следил за их игрой и чувствовал, что в нем, где-то глубоко, вырастает и формируется тяжелая и беспокойная мысль. Она была еще неясна ему, но она непременно появится, и тогда ему будет еще хуже и больнее, чем теперь.

Последнее время его стали все чаще и чаще преследовать эти мысли, гнетущие душу. Окрашивая все в темный цвет, сырые и холодные, точно осенние тучи, они оставляли за собой ржавчину тоски и тупого равнодушия ко всему...

Наконец он привык к ним и только чувствовал смутный страх, когда они давали знать, что идут на него. Потом этот страх временно исче-

зал, подавленный работой, и вдруг через некоторое время являлся снова. Но он являлся уже в новой форме - в форме тоскливой, ожидающей, неотвязной боязни, которая все возрастала и все напряженнее ждала какого-то страшного факта..."

Это - строки из рассказа А.М. Горького "Ошибка". Герой рассказа - сельский учитель не у дел Кирилл Иванович Ярославцев - одинокий, психически тяжело больной человек. .

Усиливается, все стремительнее нарастает разлад в душе Ярославцева. Учитель превращается в аутичного, погруженного в мир собственных переживаний больного. Внутренняя жизнь подавлена и окрашена в депрессивные тона, все четче выступают ассоциативные автоматизмы, чувство обнаженности, открытости. И еще одна метаморфоза в душе Кирилла Ивановича: чувство раздвоенности, душевной диссоциации, когда он начинает жить "как бы расколотый на две части, причем одна, от времени становившаяся все меньше, жалобно и беспомощно следила за другой".

И вот по стечению обстоятельств Ярославцев должен дежурить у постели заболевшего сослуживца Кравцова.

Известна реальная основа этого литературного образа [4, 5]. В 1891 г. молодой А.М. Пешков, будучи в Тбилиси, вступил в кружок Н.Я. Началова, служащего Управления Закавказских железных дорог, находившегося под гласным надзором полиции. Здесь он через доктора Н. Худадова познакомился с Гола Читадзе, страдавшим, по-видимому, маниакально-депрессивным психозом и закончившим жизнь в тбилисской Михайловской психиатрической больнице. С прототипом Кравцова - Г.А. Читадзе - М. Горькому пришлось провести один на один девять дней.

"...Давно уже все считали его человеком ненормальным, и он каждый раз подтверждал этот взгляд, высказывая сегодня желание учиться математике, чтобы познать тонкости астрономии; завтра - уйти в деревню, чтобы обрести там равновесие души; уехать в Америку и бродить в степях, конвоируя гурты скота; поступить на фабрику, чтобы развивать среди рабочих теории социализма; учиться музыке, ремеслу, рисованию. Необходимость для себя всего этого он доказывал всегда уверенно и ясно, а если его оспаривали - с бешеной горячностью..."

Встреча Кравцова с Ярославцевым оказалась роковой для больного мозга Кирилла Ивановича. Находящийся в маниакальном возбуждении Кравцов рисует Ярославцеву иллюзорные кар-

тины всеобщего благоденствия и счастья, он видит себя учителем и пророком тысяч людей и строит для них в пустыне "будку всеобщего спасения". Выраженная мания переходит в стадию маниакального неистовства. Кравцов уже только выкрикивает отдельные слова и фразы. А Кирилл Иванович с восторгом слушает своего нового учителя... Утром их обоих отвозят в психиатрическую больницу.

Алексей Максимович посещал лекции В.М.Бехтерева в Казани, он знал и был дружен со многими психиатрами (П.П. Кащенко, М.Г.Фальком, П.Д. Трайниным, И.Б. Галантом). Рассказ "Ошибка" написан в 1896 г. Знал ли Горький синдром деперсонализации Дюга или синдром психического автоматизма Кандинского-Клерамбо? Вероятнее всего - нет (хотя описание синдромов совпадает по времени с опубликованием "Ошибки"). Но то, что он увидел и почувствовал формы проявления их, можно говорить с уверенностью. Высокую клиническую достоверность приведенных случаев скорее следует объяснить не профессиональным знанием предмета, а тончайшей художественной реалистичностью, образностью и емкостью горьковского видения мира. А чтобы написать: "На выздоровление Кравцова есть надежды, на выздоровление его ученика - нет", нужно еще и знать прогнозы при шизофрении и маниакально-депрессивном психозе.

В небольшом автобиографическом рассказе "О вреде философии" М. Горький описывает онейроидный синдром, который по своей яркости и научной точности может соперничать с описанием этого болезненного состояния в руководствах по психиатрии.

Поиски истины, страстное желание определить себя, свое место в жизни привело молодого человека из провинциального городка к знакомству со студентом-химиком Николаем Захаровичем Васильевым. "Прекрасный человек, великолепно образованный", Н.З. Васильев знакомит юношу с философскими теориями создания мира. "Я напряженно слушал пониженный голос товарища, он интересно и понятно изложил мне систему Демокрита, рассказал о теории атомов..."

Уже ночь наступила, в соседнем доме психиатра Кащенко трогательно пела виолончель...

Но на другой день Николай развернул перед мною жуткую картину мира, как представлял его Эмпедокл".

Впечатлительный, тонко чувствующий, одинокий юноша потрясен рассказом студента-химика.

"Жуткие ночи переживал я. Сидишь, бывало, на откосе, глядя в мутную даль заволжских лугов, в небо, осыпанное золотой пылью звезд, - и вдруг начинаешь ждать, что вот сейчас, в ночной синеве небес, явится круглое черное пятно, как отверстие бездонного колодца, а из него высунется огненный палец и погрозит мне...

Я видел нечто неопишимо страшное: внизу огромной бездонной чаши, опрокинутой набок, носятся уши, глаза, ладони рук с растопыренными пальцами, катятся головы без глаз, идут человечьи ноги, каждая отдельно от другой, прыгает нечто неуклюжее и волосатое, напоминающее медведя, шевелятся корни деревьев, точно огромные пауки, а ветки и листья живут отдельно от них; летают разноцветные крылья, и немо смотрят на меня безглазые морды огромных быков, а круглые глаза их испуганно прыгают за ними... вся видимая мною внутренность чаши заполнена вихревым движением отдельных членов, частей, кусков, иногда соединенных друг с другом иронически безобразно...

За рекою, на темной плоскости, вырастает, почти до небес, человеческое ухо, с толстыми волосами в раковине, обыкновенное ухо, вырастает и - слушает все, что думаю я... Ночной сторож несколько раз поднимался на верхней аллее откоса и отводил домой... Да, надо было что-то делать. От этих видений и ночных бесед с разными лицами, которые неизвестно как появлялись предо мною и неуловимо исчезали, едва только сознание действительности возвращалось ко мне, от этой слишком интересной жизни на границе безумия необходимо было избавиться..."

Такое состояние со все более нараставшими зрительными и слуховыми галлюцинациями, нарушением цельности восприятия окружающего мира и самого себя привели героя рассказа к психиатру. "Маленький, черный, горбатый психиатр, человек одинокий, умница и скептик, часа два расспрашивал, как я живу, потом, хлопнув меня по колену странно белой рукой, сказал:

- Вам, дружище, прежде всего надо забросить ко всем чертям книжки и вообще всю дребедень, которой вы живете... Вам необходим физический труд..."

Вряд ли возможно и целесообразно ставить диагноз в приведенном случае (хотя в довоенной литературе [6] даже встречается термин *delirium Gorki*) - без объективного обследования это теряет смысл. Зная, однако, клинику истерических психозов, можно поверить и в реальность пережитого болезненного состояния, воспроизведенного психологически тонко и ярко

художественно.

История Константина Миронова (повесть "Голубая жизнь"), написанная Горьким на основе рассказа земского врача А.Н. Алексина, - это мастерски записанная история болезни и "излечения" хозяина "Переплетного заведения" на Морской улице.

Сын большого туберкулезом и алкоголички, Миронов растет робким, застенчивым юношей, он стеснителен, не способен ни на какие решения и поступки, его постоянно преследуют навязчивости. Лишь изредка у него проявляется жалостливая любовь к отцу, в другое время он полностью к нему равнодушен. Он боится матери, боится о чем-либо думать, избегает общения с людьми. Вялый, постоянно испытывающий неопределенные нервные явления, Миронов к двадцати годам напоминает тяжелую невротическую личность, астенического психопата.

Уходя в поле, он может часами лежать в траве, ни о чем не думая. Ничего не делая, и тогда окружающая действительность теряет для него плотность, становится неясной, расплывчатой. "Иногда он брал с собой французскую грамматику и читал ее, стараясь запомнить четкие слова, но память не удерживала их, и не слагаясь в понятную речь, они таяли, превращаясь в необыкновенные сочетания красивых звуков, в голубую музыку..."

Превращение "четких" слов в "голубую музыку". Необычные, новые черты личности Миронова постепенно становятся все более очерченными. Клинически это - фотизмы, сенестезии (цветная музыка). Вообще он наполнен психопатологией: странные, тревожные в своей бессмысленности полусны, апатия, лишенная слов, образов, какие-то невнятные мысли, расплывающиеся, смутные ассоциации, паралогизмы, символы, наплывы мыслей, соскальзывания.

"Я очень умный, очень догадливый, это потому, что я не люблю думать..." "...кажется, что в тебе - двое, один знает, другой путает".

"Вот небо, простое слово, но влечет за собою - не боюсь? Или: надоел - надо есть". "Он засмеялся в лицо старухи Павловны, незаметно явившейся пред ним, - пошел по комнатам, осматривая, оценивая мебель, цветы и быстро сосчитал, что все это надо продать за четыреста семьсот рублей.

- Так не считают, вслух поправил он себя, - это будет тысяча сто. Но он почувствовал, что ему приятнее считать именно в двух числа; - они давали вдвое больше нолей, чем тысяча сто, а в нолях такая утешительная простота.

- Ноли-ноли-ноли - напел он".

Оставшись один, он еще больше теряется в жизни и, совершенно безвольный и жалкий, полностью отдает себя во власть столяра Каллистрата. Фигура Каллистрата могла бы служить великолепной иллюстрацией к главе об истерических формах психопатий. Он любопытен и капризен, лжив и театрально заботлив. Опека своего соседа может стремительно смениться подлостью по отношению к нему же, он подвижен, несдержан, любит яркие цвета и краски. Вот он красит сметаной забор Миронова; перекрашивает весь дом в голубой цвет, пишет дегтем на крыше: "Дом сумасшедшего" или расписывает слуховые окна головами фантастических чудовищ. "- Глупость, конечно, молодость, ночей не спишь, все думаешь: как отличиться?"

Много лет спустя П.Б. Ганнушкин так описывает истерические характеры: "Во внешнем облике большинства представителей группы, объединенных этими свойствами, особенно обращают на себя внимание ходульность, театральность и лживость, Им необходимо, чтобы о них говорили, и для достижения этого они не брезгают никакими средствами.

В благоприятной обстановке, если ему представится роль, истерик может и на самом деле "отличиться"...Их эмоциональная жизнь капризно неустойчива, чувства поверхностны, привязанности непрочны и интересы неглубоки; воля их неспособна к длительному напряжению во имя целей, не обещающих им немедленно лавр и восхищения со стороны окружающих.

Сходство обеих картин поразительное.

Миронов испытывает животный страх перед Каллистратом, но не может найти силы отказаться от его "забот". И в результате - срыв. Психоз раскрывается в пышном бреде преследования, с парадоксально-неадекватными реакциями, немотивированными, неожиданными поступками. Буквально на нескольких страницах М. Горький выписывает психический статус Миронова:

"Был такой момент: вдруг все сжималось тяжелым комом и сбрасывало Миронова в черную пустоту, в безмолвие, в неподвижность.

Этот момент наступил, когда уже вошло солнце, облив стекла окна расплавленным жемчугом, - Миронов оглушенно свалился в постель, уснул, но тотчас же, как показалось ему, был разбужен странным каким-то скрипом.

В комнату вошел человек, одетый в желтое, пронзительно скрипя, он бесцеремонно сел в кровать, взял руку Миронова одной своей коротенькой влажной рукой, вынул из кармана часы и, глядя на них, спросил высоким голосом в тоне

старого приятеля:

- Ну, что же мы чувствуем?

- Ничего не мычу чувствуем, - сердито ответил Миронов.

- А что же вам болит ?

- Что такое вамболит? - задорно и насмешливо ответил Миронов.

- А спали как?

- Лежа.

Миронов засмеялся, восхищаясь бойкостью и остроумием своих ответов." Потом - галлюцинации, жуткое желание спрятаться, бежать от столяра Каллистрата, попытка выброситься с чердака и - психиатрическая лечебница.

Прошло время, и автор рассказа вновь встретился с Константином Мироновым, теперь уже хозяином "Переpletного заведения". Перенесший шуб, новый Миронов взамен гротескной и нелепой психической хрупкости, инфантилизма приобретает теперь черты плоского мещанина, по-своему расчетливого, хитрого, презирающего любой другой образ жизни, кроме своего. Совершенно четко выступают элементы психического дефекта личности с эмоциональной косностью, уплощением, шаржированием всех черт человеческой души. И сравнивая прошлого Миронова с настоящим, М. Горький пишет: "...я испытывал настойчивое желание вновь свести его с ума".

Интересен с психопатической точки зрения и образ Симы Девушкина из повести "Городок Окуров". Безродный и бездомный юноша, высокий, сутулый, с большой головой на длинной шее, с круглым туповатым лицом, физически слабый и болезненный - таким предстает пред нами поэт из заброшенного уездного городка. Его стихи монотонны, однообразны, наполнены глубокой и безнадежной тоской. Свои стихи он читает тихо, невнятно, будто извиняясь или стыдясь их. Весь облик этого человека очень схож с клиникой астеноорганической психопатии.

В рассказе "Уми" (цикл "Крымские рассказы") М. Горький психологично и ярко описывает психически больную женщину, муж и дети которой несколько лет назад ушли ловить рыбу в море и все еще не вернулись. Старая женщина никогда не покидает берега моря в ожидании своих близких, часами поет тоскливые песни и, не мигая, всматривается в горизонт. По-видимому, речь в данном случае шла о затяжной реактивной депрессии в позднем возрасте.

Целая галерея душевнобольных, "юродивых", "блажененьких" проходит в небольшом горьковском воспоминании "Как я учился писать".

Творческое наследие писателя - неисчерпаемый источник исследований литературоведов, психологами, философами. И психiatрами - наверное, потому что еще в 1928 г. исследователь творчества писателя, профессор И.Б. Га-

лант писал: "М. Горький... дал лучшие художественные картины различных психических заболеваний, какие только существуют в русской и, пожалуй, всемирной художественной литературе".

Литература

1. Зурабшвили А.П. Актуальные проблемы персонологии и клинической психиатрии. - Тбилиси, 1970
2. Бумке О. Современные течения в психиатрии. М - Л, 1929.
3. Буянов М.И. Беседы о детской психиатрии. М, 1986.
4. Груздев И.А. Горький и его время. М, 1948.

5. Пирадов А.Б. У истоков творчества Максима Горького. - Тбилиси, 1957.
6. Галант И.Б. Психозы в творчестве Максима Горького. Клинический архив гениальности и одаренности. Л, 1928.
7. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатии. Их статика, динамика, систематика. М, 1933.

Поступила в редакцию 28.05.98г.